

Ксения Курочкина

«Новые фермеры» в современной Японии

С 1990-х гг. в Японии возрастает количество молодых людей, которые выбирают профессию фермера. Целью данного исследования является выяснение мотиваций этого выбора японцами, которые прежде вели городской образ жизни. Полевые исследования в семи префектурах в период с 2011 по 2015 г. и глубинные интервью с 50 молодыми фермерами выявили разнообразные мотивации в сферах рабочей культуры, семейных ценностей, стиля жизни, экологического активизма и государственной поддержки. Часть молодых фермеров с помощью урбанизации пытается противостоять системе корпоративного капитализма. Они стремятся вести размеренную жизнь, сбалансировать работу и личную жизнь и трудиться осмысленно. Другая часть молодых фермеров не переосмысливает ценности капиталистического общества, а выбирает новую сферу занятости в связи с тем, что она в современной Японии предлагает выгодные условия для развития бизнеса.

Ключевые слова: новые фермеры, Япония, трудовая культура, урбанизация.

За последние сто лет в мире наблюдается значительный рост городского населения [Zlotnik 2004]: в 1900 г. в городах мира проживало 13 % населения, в 1950 — 29 %, в 2005 г. — 49 %, а по прогнозам к 2030 г. будет проживать 60 % мирового населения¹. В Японии, как и в других промышленно развитых странах, урбанизация проходит ускоренными темпами. По данным Всемирного банка, в 2004 г. уровень урбанизации составил 93 %².

При таком высоком уровне урбанизации населения что же представляет из себя фермерство и сельская жизнь в Японии в начале XXI в.? Статистические данные демонстрируют, как кардинально поменялось положение сфер занятости негородского населения в период с 1950 г. и до наших дней. В то время как в 1950 г. в экономике сельского хозяйства было занято около половины работоспособного населения, в 2005 г. эта доля составила менее пяти процентов³. Не только население в сельской

Ксения Вячеславовна Курочкина
Университет Васеда, Токио,
Япония
ksenia-kurochkina@yandex.ru
ksenia@fujii.waseda.jp

¹ World Urbanization Prospects: the 2005 revision, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, United Nations, <<http://www.un.org/esa/population/publications/WUP2005/2005wup.htm>>.

² The World Bank, Urban Population (% from total), 2014, <<http://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS>>.

³ Статистика Министерства внутренних дел и коммуникаций Японии, «Распределение трудового населения по трем секторам экономики в 1950–2005 гг.» (Sangyou 3 bumon Betsushiyugyousya no Wariai no Suii (1950–2005)), <<http://www.stat.go.jp/data/kokusei/2010/kouhou/useful/u18.htm>>.

местности Японии активно сокращается, повышенными темпами проходит процесс демографического старения. Как и в других странах, которые прошли период индустриализации, в Японии с ростом промышленного производства и сектора услуг занятость в сельском хозяйстве сокращалась и достигла минимальных показателей к началу XXI в.

С 1990-х гг. в Японии наблюдается обратный урбанизации процесс. Переселение городских жителей в сельскую местность широко обсуждается в средствах массовой информации, а также привлекает внимание правительства, хотя масштабы этого явления невелики. Япония не единственный пример контрурбанизации; такие процессы происходили в разных странах в различные исторические периоды. В постсоветской России рурализация, жизнь на земле стала идеологической основой многих движений по переселению в сельскую местность ([Польский 2013] о движении «анастасийцев», [Кулясова, Кулясов 2008] об экопоселениях в России). Исследователи также отмечают процессы рурализации в других странах (в США — [Berry 1992; Cordell et al. 2003]; в Голландии — [Vijker et al. 2012]).

Кто же в Японии переезжает из города в сельскую местность и почему? Переселенцы разнородны по возрасту, экономическому положению, сфере занятости: участниками процесса переселения в сельскую местность, как мы могли убедиться, становятся пенсионеры, безработные, сотрудники компаний, фермеры и другие категории, определяемые по их профессиональным занятиям или хобби — например, серфингисты, керамисты. Ниже я остановлюсь на «новых фермерах» и попробую определить, что движет молодыми представителями данной группы.

«Новые фермеры» в Японии не унаследовали свою профессию от родителей¹, они проживали в городской местности, занимались другим родом деятельности, а затем сменили профессию, переехав в сельскую местность и занявшись фермерством (либо родились в деревне, но имели значительный опыт проживания, работы, обучения в городе). С 1990 г. количество «новых фермеров» (яп. *shinki shuunou sha*) возросло более чем в три раза и составило в 2013 г. 50 810 чел.² В этой группе при-

¹ В Японии традиционно фермеры (крестьяне) наследовали дело своих родителей. Занятие сельскохозяйственной деятельностью людьми, пришедшими из городской местности, не было широко-масштабным явлением.

² Статистика Министерства сельского хозяйства, лесопромышленности и рыболовства Японии, 2013 г., Статистика по новым фермерам <http://www.maff.go.jp/j/tokei/kouhyou/sinki/pdf/sinki_syunou_13.pdf>.

близительно 25 % составляют люди до 39 лет¹. Само это число — весьма незначительная часть населения, но растущий интерес к рурализации со стороны молодого поколения японцев привлекает все больше внимания средств массовой информации, исследователей и правительства.

Для того чтобы выяснить мотивацию «новых фермеров», мною были проведены полевые исследования в период с 2011 по 2015 г. в сельских поселениях семи префектур Японии. В одном поселении, где почти половина всех жителей — новые переселенцы из города, период постоянного пребывания составил один год. Пятьдесят новых фермеров были опрошены методом глубинного интервью. Вопросы были открытого типа, сконцентрированы на биографии интервьюируемых с особым вниманием к изменениям, произошедшим в трудовой деятельности и стиле жизни в связи с переездом. На момент переселения всем информантам было не более 39 лет. Интервью длились в среднем два-три часа и проводились в большинстве случаев в доме или на огороде интервьюируемого за совместной работой или досугом.

Трудовая культура новых фермеров и их стиль жизни могут быть рассмотрены как маркер трансформаций в японском обществе, изменений ценностной модели, сформировавшейся после 1945 г. и доминировавшей в обществе до 1990-х гг. С одной стороны, тенденция переселения на землю наблюдается и в других обществах. С другой стороны, она имеет в Японии культурные особенности, связанные с доминировавшей в послевоенный период системой занятости и государственной политикой поддержки деревни.

С 1990-х гг. традиционная рабочая культура японцев² — система пожизненного найма, сформировавшаяся в послевоенный период [Abegglen 1979], и связанная с ней система общественного устройства — существенно видоизменяются [Matanle 2003]. Многие исследователи отмечают рост настроений неуверенности в завтрашнем дне, страха и неопределенности в обществе [Allison 2013; Ishida et al. 2011; Kawano et al. 2014]. Дискуссия о социально-экономических трансформациях, происходящих в японском обществе, зачастую касается обсуждения

¹ В статистике Японии людей до 39 лет причисляют к молодому поколению.

² Под традиционной рабочей культурой здесь понимается такая организация труда, при которой мужчине отводится роль главного кормильца в семье, а женщина выполняет роль домохозяйки с основной задачей воспитания детей и поддержания быта. При этом занятость мужчин зачастую характеризуется высокой лояльностью компании, в которой сотрудник работает всю трудовую жизнь, большим объемом сверхурочной работы и частыми внутрикорпоративными трансферами. Женщины же, если и заняты на рынке труда, работают по временным контрактам с ограниченной сферой ответственности и выполняют вспомогательные функции.

молодого поколения японцев — их роли в современном обществе, стремлений и надежд на будущее, а также практических ответов на вызовы нового времени [Brinton 2011; Genda 2005; Yamada 1999]. По причинам как ухудшения экономической ситуации и недостатка рабочих мест для пожизненного найма, так и изменения предпочтений молодого поколения повышается интерес к занятости вне системы пожизненного найма [Matanle 2006], а также к сфере досуга вне корпоративной системы [Harada 1994]. Модель пожизненной занятости в качестве сотрудника одной корпорации для мужчин и домохозяйки для женщин становится все менее приемлема для некоторых представителей молодого поколения.

Работа фермером в такой ситуации представляется одной из опций, с которой связаны возможности для частного предпринимательства вне прямой зависимости от корпорации, свободная занятость по сравнению со строгим режимом труда офисных работников, ощущение значимости своего труда для общества и окружающей среды. Ниже я буду приводить примеры мотивировок, которыми пользовались мои информанты в интервью, объясняя свое решение стать фермерами.

Один из моих информантов Минами-сан (38 лет¹, префектура Гумна) до переезда в сельскую местность восемь лет трудился в финансовой корпорации в Токио как офисный сотрудник по системе пожизненного найма. Работа была такая напряженная, что за восемь лет карьеры ему ни разу не удалось взять отпуск; суббота была обычным рабочим днем. Деятельность его фирмы состояла в предоставлении кредитов, а затем их истребовании от клиентов. В интервью Минами-сан рассказывал, что за годы своей работы много раз задавал себе вопросы о бесполезности и даже вреде для общества деятельности таких корпораций, как его фирма (один из его клиентов покончил жизнь самоубийством, не имея возможности выплатить кредит), а также об отсутствии личностного роста для себя самого. Он не видел полезного продукта своего труда. Минами-сан хотелось буквально физически почувствовать, «потрогать» результат того, что он делает. В итоге они с женой, никогда не имевшие опыта работы на земле, решили переехать в провинцию и выращивать овощи.

После переезда в префектуру Гумна доход семьи существенно сократился, но появились гордость за свой труд и произведенную продукцию и удовлетворение от нового образа жизни. Для Минами-сан увольнение из корпорации не было тривиальным шагом. Для многих окружающих отказ от постоянной работы

¹ Возраст информантов указан на момент проведения интервью.

в пользу низкооплачиваемого труда в совершенно новой среде казался поступком, близким к безумному. Но для Минами-сан уход от корпоративной жизни, в которой он не видел смысла, к физическому труду на земле в сообществе близких по духу людей и понимающей семьи стал практическим решением ситуации неудовлетворенности жизнью в городе. Стоит отметить, что деревня, куда переехала семья Минами, проводила программу по привлечению молодых переселенцев и оказывала финансовую и консультационную помощь на этапе переезда, что стало важным фактором в выборе места переезда.

В последние годы в Японии оживает интерес к сельской местности как к хранителю традиционного общества, не трансформированного процессами индустриализации. Некоторые исследователи отмечают, что в действительности «традиции» зачастую воссоздаются либо изобретаются под контролем государственных программ, призванных возбуждать в гражданах патриотизм и ностальгию по старинной Японии [Robertson 1991], или туристической индустрии, эксплуатирующей чувства ностальгии японцев по родному сельскому дому [Creighton 1997]. Для понимания мотиваций молодых фермеров нам важна атмосфера повышенного интереса к сельской жизни, царящая в стране, как она изображается средствами массовой информации. Это явление имеет два источника. Во-первых, государство в поисках национальной идеологии принимает активное участие в привлечении общественного интереса к традиционному укладу японского общества. Местом, где традиции сохранились, объявляется японская деревня, на которую государство и нацелило свою массивную поддержку. Во-вторых, в общественном сознании (в основном в головах молодого поколения) с 1990-х гг. также происходит переосмысление ценностей. Система корпоративного капитализма послевоенного периода позволила стране достигнуть экономического процветания, но с началом экономического спада в 1990-х гг. поставила перед обществом множество вопросов. В каком направлении развивать общественные институты в условиях отсутствия экономического роста? Какие формы общественного устройства возможны без доминирования корпоративного капитализма? Многие молодые люди в таких условиях предпочитают отказаться от доминирующей ценностной модели поколения своих родителей, нацеленной в основном на материальное благополучие, и вести спокойную счастливую жизнь, без больших заработков, но с возможностью заниматься любимым делом и проводить время с семьей и друзьями [Furuichi 2011].

В интервью информанты часто приводили в пользу переезда аргумент ухода от городской жизни, полной стрессов, опасно-

стей, сверхурочной работы и отчужденности от семьи и общества. Сельская жизнь как возможность ухода от образа жизни постоянно спешащего городского жителя, ориентированного только на материальные блага, и привлекает многих молодых людей в современной Японии. Один из моих информантов Араки-сан (39 лет, префектура Киото), поработав в крупной компании в пригороде Токио, осознал, что жизнь в городе его не привлекает и он хочет искать что-то другое для себя и семьи. Каждый день он тратил долгое время на дорогу до офиса, выполнял работу, в которой не видел смысла. После увольнения из компании он в течение нескольких лет устраивался на различные работы в провинции. Там в его жизни появились привлекательные для него детали, недостижимые при его прошлой жизни в городе: поездки на работу на велосипеде через рисовые поля, знакомство с мастерами керамики и владельцами кафе традиционной кухни, питание местными продуктами, произведенными без использования химических удобрений. В конце концов Араки-сан обосновался в префектуре Киото и стал мастером производства гречневой лапши. Параллельно он вместе с семьей занимается сельским хозяйством.

Араки-сан называл свой стиль жизни «размеренная жизнь» (яп. *surou raifu*, от англ. *slow life*¹). Многие информаты, как и Араки-сан, были привлечены в фермерство именно возможностью вести размеренную жизнь: выращивать продукты питания для себя и своей семьи, самостоятельно формировать расписание дня, не работать сверхурочно, жить без чрезмерного использования денег, иметь крепкие связи с местным сообществом, заниматься хобби и проводить больше времени с семьей. Во многих поселениях молодые фермеры демонстрировали свои новые деревенские радости жизни — ванна, прогретая на дровах, приготовление пищи на углях, деликатесы деревенской кухни (например, мясо кабана).

Идеологическая основа жизнестроительства многих переселенцев в Японии близка идеям экосоциализма [Pepper 1993], самообеспеченности продовольствием [Agarwal 2014], органического земледелия [Kaltoft 2001]. Многие информаты при принятии решения о переезде в сельскую местность подпиты-

¹ Многие понятия, связанные с культурой переселенцев, — это прочтение японской азбукой катакана слов английского языка, что создает первоначальное впечатление заимствования и самих категорий из западной культуры. Такая интерпретация возможна, но, как я полагаю, не применима ко всей культуре переселенцев в Японии. Большое количество ключевых понятий культуры переселенцев имеет японское происхождение (например, органическое фермерство — «юкиногё», практики самообеспеченности — «дзикюдзисоку»), и нет оснований делать утверждения о заимствовании практик переселения из-за рубежа. В данном случае имеет место использование иностранных слов как звучащих в японском языке свежо, по-молодежному, модно. Само же заимствование слов имеет положительную коннотацию.

вались учениями японских идеологов переселения на землю — философа органического земледелия Фукуока, экономиста Мотани, выступающего за центральную роль сельской местности в будущем экономическом развитии, и известного переселенца и идеолога осознанного земледелия Сиоми. Но никто из вышеперечисленных «идеологов» движения переселенцев не является фигурой, знакомой всем информантам. Некоторые никогда не слышали о таких деятелях, им не близки вышеперечисленные идеи.

Переселение на землю в Японии с целью занятия земледелием еще не сформировалось как движение: у него нет единого лидера, признанной всеми участниками идеологии, единого медийного канала, общих для этой субкультуры символов. Но, по-видимому, мы можем наблюдать процесс формирования такой субкультуры. Во многих географически удаленных сообществах мне приходилось отмечать практики поведения (например, отказ от потребления продуктов крупных производителей и предпочтение локальных семейных производств; умеренное или ограниченное потребление промышленных товаров), специфическое словоупотребление, стиль одежды (например, ношение женщинами брюк «момпе» — вид брюк, обычно красочной расцветки, подходящих для земледелия), общие для переселенцев.

Работа на земле и жизнь в сельской местности предоставляет молодым людям возможности для воспитания детей и семейного времяпрепровождения, недоступные городским жителям. Новых молодых фермеров, которые сами в основном выросли в «каменных джунглях» крупных индустриальных городов, привлекает возможность воспитания детей в близости с природой. Жизнь в отдельном доме в крупных городах доступна только людям с высокими доходами. А в сельской местности многие дома пустуют, и их можно снять или купить по очень низкой цене¹. Примерно половина моих информантов имела частные дома и земли в собственности, а половина довольствовалась арендой. Большинство переселенцев, которых я наблюдала, ставят себе целью постоянное проживание в выбранном поселении. При аренде жилья возможна мобильность, но в основном в пределах одной деревни.

Важным для молодых фермеров становится также понятие «баланса между работой и личной жизнью» (по-японски *waaku-raifu baransu* от англ. work-life balance). В последние

¹ Цена на аренду дома в сельской местности, где проходило исследование, варьировалась от 5000 до 30 000 иен в месяц (приблизительно 50–300 долл. США), при том что съем квартиры в Токио для семьи из 3–4 человек в среднем обходится в 200 000 иен в месяц (приблизительно 2 000 долл. США).

годы в Японии крайне популярно среди молодого поколения задумываться о своей жизни вне компании и трудовой деятельности, процветает культура досуга [Harada 1994]. Для послевоенного поколения вопрос личного досуга остро не стоял. Люди с 25 до 65 лет имели основную самоидентификацию, связанную исключительно с профессиональной деятельностью, жизни вне работы не существовало [Linhart 1988]. Такая модель семьи «корпоративного воина» и домохозяйки больше не отвечает запросам молодого поколения. Но загруженность работой в японских корпорациях не оставляет личного времени для хобби и общения с семьей и по сей день. Поэтому молодые люди ищут альтернативные пути занятости, и некоторые из них выбирают работу на земле как сферу деятельности, позволяющую сбалансировать работу и личную жизнь.

Хирано-сан (43 года, префектура Вакаяма) — отец двух дочерей; он уже пять лет живет в небольшой деревне в горах. Жена его работает медсестрой в местной больнице, а он занимается сельским хозяйством и воспитывает дочерей. Хирано-сан представляет собой новый тип японского отца, который все чаще встречается среди молодого поколения (яп. *ikumen*). Он занимается воспитанием детей, а супруга является основным кормильцем в семье. Хирано-сан готовит дочерям, собирает их в школу, стирает, делает все домашние дела, а дополнительно обрабатывает рисовое поле и выращивает овощи для семейного стола и с перспективой будущей продажи. Большой старинный дом в деревне с наделом земли они с женой купили, переоборудовав его для современной жизни (постелили деревянные полы вместо старинных татами¹, установили современную кухню и туалет). Если бы Хирано остались жить в Осака, откуда они родом, то за эти деньги они не могли бы себе позволить купить даже маленькую квартиру.

Хирано-сан рассказывал мне, как он счастлив, когда долгими зимними вечерами они всей семьей сидят рядом с печкой: дочери делают уроки, жена читает какой-нибудь журнал, а он размеренно курит свой табак, подбрасывая дрова в печь. За окнами дома темно и морозно, да и в самом доме очень холодно (нужно быть одетым в верхнюю одежду), но то, что вся семья собралась вокруг теплой печки в доме, окруженном горами и полями, делает такое время для него самым ценным. Семья Хирано является примером того, как японцы адаптируются к новым социально-экономическим условиям, варьируя

¹ Татами — маты, сплетенные из тростника и рисовой соломы, которыми в Японии застилаются полы в доме.

семейные роли, выбирая сферу занятости и стиль жизни, которые отвечают их новым запросам.

Опыт жизни в городе подталкивает многих людей задуматься о взаимоотношениях человека с природой и последствиях индустриализации для здоровья человека и общественного развития в целом. Канада-сан (32 года, префектура Сидзуока), родом из семьи фермера в префектуре Сидзуока, получила образование в сфере социальных наук в США. Пожив в другой стране в крупном городе, она ужаснулась тому, как мало люди уделяют внимания тому, чем они питаются. Взглянув на опыт своей юности в деревне со стороны, Канада-сан поняла, что она не может согласиться с тем, что семейные фермерские хозяйства отходят в прошлое и им на замену приходят сельскохозяйственные корпорации, которые индустриализируют процесс сельскохозяйственного производства. Потребителю при этом не остается выбора, и он вынужден покупать продукты питания, при производстве которых утеряна основополагающая связь с природой.

Канада-сан решила вернуться в отчий дом и продолжить дело отца, который еще тридцать лет назад стал пионером производства чая без использования химических удобрений. Кроме работы на ферме, Канада-сан — активистка движения за сохранение семейного фермерства, экопродукцию, а также она поддерживает фермеров из префектуры Фукусима, которые лишились возможности заниматься сельским хозяйством из-за аварии на атомной электростанции в марте 2011 г. Канада-сан является примером того, как экологический активизм становится причиной выбора профессии фермера для молодого поколения.

Не все молодые фермеры при смене городской жизни на сельскую руководствовались идеями противостояния системе корпоративного капитализма, поиска размеренного стиля жизни с семьей на лоне природы или экологического активизма. Многие молодые люди в современной Японии опирались в своем выборе на многочисленные государственные программы, нацеленные на увеличение количества молодых фермеров. Льготы, предоставляемые данными программами, спрос на трудовые ресурсы в сельской местности, а также возможности развивающегося рынка экологически чистой сельскохозяйственной продукции дают молодым фермерам шансы для профессионального развития.

Период индустриального развития в Японии не обошел и сельскую местность. Даже в отдаленных районах страны хорошо развита инфраструктура: проложены дороги, решена проблема с обеспечением водой и электричеством, безупречно работают

системы коммуникации (телефон, телевидение, интернет, почта), имеется система местного транспортного сообщения. Молодые люди, переезжающие в сельскую местность для занятий фермерством, в основном не сталкиваются с бытовыми проблемами, и их уровень жизни в этом аспекте ничем не отличается от жизни городского жителя¹. С 1990-х гг. правительство уделяет повышенное внимание привлечению молодежи в сельское хозяйство. Создаются учебные программы для новых фермеров, программы финансовой и консультативной поддержки².

Уно-сан (42 года, префектура Кочи) был одним из тех, кто воспользовался такими программами поддержки, чтобы начать фермерский бизнес. Получив дополнительное образование в одной из провинциальных сельскохозяйственных академий, он взял выгодный кредит и переехал из Токио на юг Японии, чтобы стать индивидуальным предпринимателем в сфере фермерства. Его опыт работы в маркетинговой фирме помог ему сформировать стратегию продвижения собственного товара и успешно поставлять овощи, произведенные без химических удобрений, на рынки крупных городов.

Уно-сан считает, что экологический активизм и желание жить размеренной жизнью в гармонии с природой, которые приветствуются многими молодыми фермерами в настоящее время, дадут мало пользы для общества. При низком уровне самообеспеченности продуктами в Японии и замедленном экономическом развитии самым необходимым для страны, считает он, является большой объем продукции, который он поставляет на рынок посредством тяжелого труда, и налоги, которые он платит в местный бюджет.

Некоторые исследователи, которые в последние годы занимались изучением новых молодых фермеров в Японии [Knight 2003; Rosenberger 2014], отмечали в основном то, что переселенцам присущи характеристики движения «обратно к земле» (back-to-the-land movement [Halfacree 2007]) как альтернативы доминирующему в обществе корпоративному капитализму. Так, Розенбергер пишет: «Жизнь фермера иллюстрирует один из возможных путей для молодых японцев в 2000-х гг. противостоять статусу-кво послевоенной Японии, в котором господствующим социальным классом являются домохозяйки и корпоративные работники, зависящие от японской экономики»

¹ В некоторых случаях молодые фермеры осознанно отказываются от современных удобств. Например, переоборудуют ванную комнату с электроотоплением на подогрев с помощью дров, чтобы приблизиться в стиле жизни к сельским жителям старинной Японии.

² Например, в префектуре Ямагучи создан полный цикл поддержки новых фермеров от обучения, поиска земельного участка, помощи в начале сельскохозяйственной деятельности и до сбыта произведенной продукции.

[Rosenberger 2014: 129]. Другие исследователи считают, что современные переселенцы в Японии отличаются по своим характеристикам от альтернативных коммунитарных движений «обратно к земле» и представляют собой тип «индивидуалистических» переселенцев. В какой-то степени они ностальгируют по сельской Японии, но не до конца контрурбанизированы и сочетают в своем стиле жизни городские и сельские черты [Osawa 2014: 84].

Мое исследование показало разнообразие мотиваций переселенцев и идеологических основ их жизнестроительства. Часть переселенцев отражает черты глобального движения «обратно к земле» с элементами экосоциализма и органического земледелия, а другая часть представляет собой отражение гибридной идеологии городского и сельского жителя, несущей черты быта деревенской жизни, но не отрицающей основы современного социально-экономического устройства капиталистической Японии. Другими словами, часть мотиваций для выбора профессии фермера действительно продиктована желанием противостоять системе корпоративного капитализма, участвовать в экологическом переустройстве общества. Но в то же время часть молодых переселенцев не противостоит системе, а наоборот, своим решением переехать в сельскую местность и заняться сельским хозяйством вписывается в происходящие в последнее время в стране изменения в социальных структурах.

Многие информанты при описании своего решения о переезде апеллировали к широко употребляемому в последнее время в средствах массовой информации понятийному аппарату, описывающему тенденции рурализации. Они часто использовали слова о важности традиционного уклада жизни, сохраненного в сельской местности, о ненанесении вреда окружающей среде, об особой роли сельских жителей в сохранении природы и традиций, о приверженности размеренной и осознанной жизни на земле. При этом сложно утверждать, что такие идеи действительно составляют суть их жизнестроительства. Наблюдения показали, что есть и многие другие обстоятельства, которые привлекают молодых переселенцев, но не упоминаются в интервью: возможности не просто размеренной жизни, а праздного образа жизни (длительный сон, неограниченное свободное время, употребление алкоголя и некоторых наркотических средств); возможность с помощью ограниченных финансовых ресурсов иметь тот же уровень жизни, что и в городе (например, некоторые семьи имеют возможность при минимальном заработке жить на государственное детское пособие). Многие привлекательные черты сельской жизни лежат все поля общественной морали и не всегда становятся публично высказанными.

В качестве общего вывода хотелось бы отметить следующее. С одной стороны, увеличение интереса к профессии фермера объясняется переосмыслением молодым поколением качества жизни в постиндустриальном обществе, изменениями в социально-экономической структуре города и деревни. С другой стороны, оно стало следствием политики государства, имеющей своей задачей укрепление сельскохозяйственного производства и создающей благоприятные условия для молодых фермеров. Это обстоятельство показывает, что индивидуальные жизненные решения людей, принятые исходя из личных представлений социальных акторов, оказываются сформированными их социальной средой. Даже пространство протеста (в данном случае противостояние доминантной модели ценностей) оказывается встроенным в структурированное общественное пространство, формируемое при участии государственных и бизнес-институтов.

Библиография

- Кулясов И.П., Кулясова А.А. Экопоселения — новая форма сельских сообществ в России // Экология и жизнь. 2008. № 10. С. 20–26.
- Польский И.В. От «дачников» к «поселенцам»: опыты сообщества в движении «Анастасия» / «Звенящие кедры России» // Тр. Русской антропологической школы. 2013. № 12. С. 136–155.
- Abegglen J.C. *The Japanese Factory*. N.Y.: Arno Press, 1979. 142 p.
- Agarwal B. Food Sovereignty, Food Security and Democratic Choice: Critical Contradictions, Difficult Conciliations // *The Journal of Peasant Studies*. 2014. Vol. 41. No. 6. P. 1247–1268.
- Allison A. *Precarious Japan*. Durham: Duke University Press, 2013. 246 p.
- Berry B. *America's Utopian Experiments: Communal Havens from Long-wave Crises*. Hanover, NH: Dartmouth College, 1992. 271 p.
- Bijker R., Haartsen T., Strijker D. Migration to Less-popular Rural Areas in the Netherlands: Exploring the Motivations // *Journal of Rural Studies*. 2012. Vol. 28. P. 490–498.
- Brinton M.C. *Lost in Transition: Youth, Work, and Instability in Post-industrial Japan*. N.Y.: Cambridge University Press, 2011. 203 p.
- Cordell K., Fly M., Jones R., Talley J. Green Migration into Rural America: The New Frontier of Environmentalism? // *Society and Natural Resources*. 2003. Vol. 16. P. 221–238.
- Creighton M. Consuming Rural Japan: The Marketing of Tradition and Nostalgia in the Japanese Travel Industry // *Ethnology*. Summer 1997. Vol. 36. No. 3. P. 239–254.
- Furuichi N. *Zetsubō no Kuni no Kōfuku na Wakamono-tachi* [The Happy Youth of a Desperate Country]. Tokyo: Kodansha, 2011. 301 p. (In Japanese).
- Genda Y. *A Nagging Sense of Job Insecurity: The New Reality Facing Japanese Youth*. Tokyo: International House of Japan, 2005. 203 p.

- Halfacree K.* Back-to-the-land in the Twenty-first Century — Making Connections with Rurality // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2007. Vol. 98. No. 1. P. 3–8.
- Harada M.* Towards a Renaissance of Leisure in Japan // *Leisure Studies*. 1994. Vol. 13. No. 4. P. 277–287.
- Ishida H., Kondo H., Nakao K.* Gendai no kaizoushakai 2: Kaizou to idou no kouzou [Contemporary Stratified Japanese Society. Vol. 2: Structure of Inequality and Mobility]. Tokyo: University of Tokyo Press, 2011. 349 p. (In Japanese).
- Kaltoft P.* Organic Farming in the Late Modernity: At the Frontier of Modernity or Opposing Modernity? // *Sociologia Ruralis*. January 2001. Vol. 41. No. 1. P. 146–158.
- Kawano S., Roberts G.S., Long S.O.* Capturing Contemporary Japan: Differentiation and Uncertainty. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2014. 360 p.
- Knight J.* Organic Farming Settlers in Kumano // Waswo A., Yoshiaki N. (eds.). *Farmers and Village Life in Twentieth-Century Japan*. N.Y.: Routledge Curzon, 2003. P. 267–284.
- Linhart S.* From Industrial to Post-industrial Society: Changes in Japanese Leisure-related Values and Behavior // *Journal of Japanese Studies*. Summer 1988. Vol. 14. No. 2. P. 271–307.
- Matanle P.* Beyond Lifetime Employment? Re-fabricating Japan's Employment Culture // Matanle P. (ed.). *Perspective on Work, Employment and Society in Japan*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. P. 58–79.
- Matanle P.* Japanese Capitalism and Modernity in a Global Era: Re-fabricating Lifetime Employment Relations. L.; N.Y.: Routledge Curzon, 2003. 177 p.
- Osawa M.* New Farmers from Non-farming Families: Five Reasons to Become a Farmer // *Japan Studies: The Frontier (Journal of International Christian University, Tokyo)*. 2014, March 31. P. 73–86.
- Pepper D.* Eco-socialism: From Deep Ecology to Social Justice. L.: Routledge, 1993. 266 p.
- Robertson J.E.* Native and Newcomer: Making and Remaking a Japanese City. Berkeley: University of California Press, 1991. 235 p.
- Rosenberger N.* Making an Ant's Forehead of Difference: Organic Agriculture as an Alternative Lifestyle in Japan // Kawano S. et al. (eds.). *Capturing Contemporary Japan: Differentiation and Uncertainty*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2014. P. 105–134.
- Yamada M.* Parasaito singuru no jidai [The Era of Parasite Singles]. Tokyo: Chikumashobo, 1999. 204 p. (In Japanese).
- Zlotnik H.* World Urbanization: Trends and Prospects // Champion T., Hugo G. (eds.). *New Forms of Urbanization: Beyond the Urban-rural Dichotomy*. Aldershot, Hants; Burlington, VT: Ashgate, 2004. P. 43–64.

“New Farmers” in Japan

Ksenia Kurochkina

Waseda University, Graduate School of Asia-Pacific Studies
Nishi-Waseda Bldg. 7F, 1-21-1 Nishi-Waseda, Shinjuku, Tokyo, Japan
ksenia-kurochkina@yandex.ru; ksenia@fuji.waseda.jp

Since the 1990s many young Japanese people have started to repopulate rural areas to work as farmers. The number of new farmers increased threefold for the last twenty years. Popular images as well as recent scholarship on the subject portray young farmers as striving for rural revitalisation, resisting the conventional workplace, nostalgic, and essentially non-materialistic. This paper argues that there are various motivations behind recent ruralisation of young people in Japan. Longstanding fieldwork in the Japanese countryside (2011–2015) reveals that many young people aim to escape from the system of collective capitalism by choosing the work and life style of a rural farmer. They strive for a meaningful job, slow life, and work-life balance. At the same time, some people utilise new opportunities in the countryside, develop their agribusinesses, and do not attempt to resist the status quo. Countryside in contemporary Japan creates a new social arena for people to rethink their values of work and life.

Keywords: new farmers, Japan, work culture, motivation of ruralisation.

References

- Abegglen J. C., *The Japanese Factory*. New York: Arno Press, 1979, 142 pp.
- Agarwal B., ‘Food Sovereignty, Food Security and Democratic Choice: Critical Contradictions, Difficult Conciliations’, *The Journal of Peasant Studies*, 2014, vol. 41, no. 6, pp. 1247–1268.
- Allison A., *Precarious Japan*. Durham: Duke University Press, 2013, 246 pp.
- Berry B., *America’s Utopian Experiments: Communal Havens from Long-wave Crises*. Hanover, NH: Dartmouth College, 1992, 271 pp.
- Bijker R., Haartsen T., Strijker D., ‘Migration to Less-popular Rural Areas in the Netherlands: Exploring the Motivations’, *Journal of Rural Studies*, 2012, vol. 28, pp. 490–498.
- Brinton M. C., *Lost in Transition: Youth, Work, and Instability in Postindustrial Japan*. New York: Cambridge University Press, 2011, 203 pp.
- Cordell K., Fly M., Jones R., Talley J., ‘Green Migration into Rural America: The New Frontier of Environmentalism?’, *Society and Natural Resources*, 2003, vol. 16, pp. 221–238.
- Creighton M., ‘Consuming Rural Japan: The Marketing of Tradition and Nostalgia in the Japanese Travel Industry’, *Ethnology*, Summer 1997, vol. 36, no. 3, pp. 239–254.

- Furuichi N., *Zetsubō no Kuni no Kōfuku na Wakamono-tachi* [The Happy Youth of a Desperate Country]. Tokyo: Kodansha, 2011, 301 pp. (In Japanese).
- Genda Y., *A Nagging Sense of Job Insecurity: The New Reality Facing Japanese Youth*. Tokyo: International House of Japan, 2005, 203 pp.
- Halfacree K., 'Back-to-the-land in the Twenty-first Century — Making Connections with Rurality', *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 2007, vol. 98, no. 1, pp. 3–8.
- Harada M., 'Towards a Renaissance of Leisure in Japan', *Leisure Studies*, 1994, vol. 13, no. 4, pp. 277–287.
- Ishida H., Kondo H., Nakao K., *Gendai no kaizoushakai 2: Kaizou to idou no kouzou* [Contemporary Stratified Japanese Society. Vol. 2: Structure of Inequality and Mobility]. Tokyo: University of Tokyo Press, 2011, 349 pp. (In Japanese).
- Kaltoft P., 'Organic Farming in the Late Modernity: At the Frontier of Modernity or Opposing Modernity?', *Sociologia Ruralis*, January 2001, vol. 41, no. 1, pp. 146–158.
- Kawano S., Roberts G. S., Long S. O., *Capturing Contemporary Japan: Differentiation and Uncertainty*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2014, 360 pp.
- Knight J., 'Organic Farming Settlers in Kumano', Waswo A., Yoshiaki N. (eds.), *Farmers and Village Life in Twentieth-Century Japan*. New York: Routledge Curzon, 2003, pp. 267–284.
- Kulyasov I., Kulyasova A., 'Ekoposeleniya — novaya forma selskikh soobshchestv v Rossii' [Ecosettlements — A New Form of Rural Communities in Russia], *Ekologiya i zhizn* [Ecology and Life], 2008, no. 10, pp. 20–26. (In Russian).
- Linhart S., 'From Industrial to Post-industrial Society: Changes in Japanese Leisure-related Values and Behavior', *Journal of Japanese Studies*, Summer 1988, vol. 14, no. 2, pp. 271–307.
- Matanle P., 'Beyond Lifetime Employment? Re-fabricating Japan's employment culture', Matanle P. (ed.), *Perspective on Work, Employment and Society in Japan*. New York: Palgrave Macmillan, 2006, pp. 58–79.
- Matanle P., *Japanese Capitalism and Modernity in a Global Era: Re-fabricating Lifetime Employment Relations*. London; New York: Routledge Curzon, 2003, 177 pp.
- Osawa M., 'New Farmers from Non-farming Families: Five Reasons to Become a Farmer', *Japan Studies: The Frontier* (Journal of International Christian University, Tokyo), 2014, March 31, pp. 73–86.
- Pepper D., *Eco-socialism: From Deep Ecology to Social Justice*. London: Routledge, 1993, 266 pp.
- Polsky I., 'Ot "dachnikov" k "poselentsam": opyty soobshchestva v dvizhenii "Anastasiya" / "Zvenyashchie kedry Rossii"' [From "Dachniki" to "Resettlers": Community Experiences in the Anastasia Movement / "The Ringing Cedars of Russia"], *Trudy Russkoy antropologicheskoy shkoly* [Russian Anthropological School Publications], 2013, no. 12, pp. 136–155. (In Russian).

- Robertson J. E., *Native and Newcomer: Making and Remaking a Japanese City*. Berkeley: University of California Press, 1991, 235 pp.
- Rosenberger N., 'Making an Ant's Forehead of Difference: Organic Agriculture as an Alternative Lifestyle in Japan', Kawano S. et al. (eds.), *Capturing Contemporary Japan: Differentiation and Uncertainty*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2014, pp. 105–134.
- Yamada M., *Parasaito singuru no jidai* [The Era of Parasite Singles]. Tokyo: Chikumashobo, 1999, 204 pp. (In Japanese).
- Zlotnik H., 'World Urbanization: Trends and Prospects', Champion T., Hugo G. (eds.), *New Forms of Urbanization: Beyond the Urban-rural Dichotomy*. Aldershot, Hants; Burlington, VT: Ashgate, 2004, pp. 43–64.